

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-5-19>

УДК 316.614.034

Attribution

cc by

**АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ МЕДИАТИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ:
РИСКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

Сусименко Е.В., Зубкова Е.В., Хорохордина А.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова

Аннотация. В статье исследуется феномен алгоритмической медиатизации и её деструктивное влияние на когнитивные процессы, профессиональную социализацию молодежи. Авторы подчеркивают, что в алгоритмической медиатизации рекомендательные системы социальных платформ выступают активными медиаторами опыта. Выявляется структурное противоречие между формируемыми у молодого поколения когнитивными паттернами и актуальными требованиями рынка труда к специалисту будущего. Эмпирическая часть исследования базируется на данных социологического опроса студентов вузов Южного федерального округа. Результаты демонстрируют высокую вовлеченность молодежи в медиасреду, признаки информационной перегрузки, снижение способности к критическому анализу, распространение клипового мышления и медиазависимости. Выявлено двойное влияние медиа: с одной стороны, они служат инструментом коммуникации и психологической адаптации, с другой – провоцируют стресс, когнитивные искажения, размывание культурной идентичности, трансформацию социальных норм. В заключении делается вывод о необходимости системного подхода к минимизации негативных эффектов алгоритмической медиатизации, включая переосмысление образовательных программ с акцентом на развитие критического мышления, навыков глубокой переработки информации и устойчивой когнитивной деятельности для успешной профессиональной социализации в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: медиатизация, алгоритм, информация, молодежь, профессиональная социализация, когнитивный процесс, социокультурная трансформация, деструктивный эффект.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**ALGORITHMIC MEDIATIZATION AND COGNITIVE TRANSFORMATIONS:
RISKS OF YOUTH PROFESSIONAL SOCIALIZATION**

Elena V. Susimenko, Ekaterina V. Zubkova, Alyona V. Khorokhordina

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Abstract. The article considers algorithmic mediatization and its destructive impact on the cognitive processes and professional socialization of young people. The authors emphasize the fact that in algorithmic mediatization social platform recommendation systems act as active mediators of experience. A structural contradiction is revealed between the cognitive patterns being formed in the younger generation and the current demands of the labor market for the specialist of the future. The empirical part is based on the analysis of data obtained from an original sociological survey of university students in the Southern Federal District. The results demonstrate high levels of youth involvement in the media environment, signs of information overload, a decline in critical thinking, the spread of clip-based thinking as well as media addiction. The authors have also identified a dual impact of media: on the one hand, they contribute to communication and psychological adaptation, on the other hand, they provoke stress, cognitive distortions, the erosion of cultural identity, the transformation of social norms. The conclusion highlights the need for a systemic approach to minimize the negative effects of algorithmic mediatization, including a genuine rethinking of educational programs with an emphasis on developing critical thinking, deep information processing skills, and sustainable cognitive activity for successful professional socialization in the digital economy.

Keywords: mediatization, algorithm, information, youth, professional socialization, cognitive process, socio-cultural transformation, destructive effect.

Funding: Independent work

Введение.

Современный этап развития общества характеризуется тотальной проникающей медиатизацией – процессом, при котором социальные, политические, экономические и культурные практики все в большей степени опосредуются цифровыми медиа. Этот феномен выходит за рамки простого использования ин-

формационных технологий, трансформируя саму структуру общественных отношений, ценностно-нормативные системы и индивидуальное сознание. В условиях цифровой эпохи медиа перестают быть лишь каналом передачи информации, становясь активным агентом социализации и ключевым фактором формирования новой социальной реальности.

Нарастающие темпы развития современной медиасферы характеризуются не только увеличением каналов коммуникации, но и изменением фундаментальных принципов отбора, доступа и трансляции информации.

Датский социолог Стиг Хьярвард в своих работах отмечает, что медиатизация может оказывать не просто значительное, а часто доминирующее влияние на работу социальных институтов и воздействие на общественное мнение, модели взаимодействия в обществе [1]. Однако в последние годы все чаще встает вопрос о качественном изменении когнитивных и социальных последствий, что связывают с алгоритмическим характером современной медиатизации, который сформировался с появлением искусственного интеллекта.

Сегодня алгоритмы персонализации, к которым относятся рекомендательные системы социальных сетей (Instagram¹, YouTube, RuTube, TikTok и др.), выступают как активные медиаторы пользовательского опыта, выстраивая индивидуальное восприятие информации и формируя определенные способы ее обработки. Американский социальный психолог и политолог Шошана Зубофф уже давно говорит о том, что социальные медиа и цифровые платформы являются не просто посредниками, а самыми настоящими «архитекторами» общественного мнения и поведения [2]. Если рассматривать пример молодежной аудитории, то это означает, что алгоритмический характер медиатизации позволяет управлять средой, в которой формируются когнитивные функции, развиваются модели внимания и в целом выстраивается идентичность молодого поколения.

Особенно значимым данный процесс становится в рамках формирования профессиональной социализации, концепцию которой изложили в своих трудах американский социолог Питер Бергер и немецкий социолог Томас Лукман. Согласно их работам, профессиональная социализация представляет собой процесс усвоения человеком определенных норм, ценностей и способов мышления, которые необходимы для внедрения в трудовые отношения. Традиционно этот процесс включал в себя опыт аналитической работы с информацией, формирование профессиональных навыков и выработку способности к длительной концентрации. Однако в условиях алгоритмизации медиатизации у молодого поколения закрепляется клипово-фрагментированная модель восприятия информации, которая ориентирована на множественное переключение внимания и постоянный поиск эмоционально насыщенных стимулов [3].

В то же время, повсеместно публикуются данные о трансформации рынка труда в эпоху искусственного интеллекта, и выделяются четкие требования к личным и профессиональным навыкам человека ближайшего будущего. Так, по данным World Eco-

nomіc Forum, наиболее важными компетенциями человека, будущего являются: высокий уровень саморегуляции и самоорганизации, готовность к объемной аналитической работе, способность к критическому мышлению, усидчивость и длительная концентрация внимания [4]. Выходит, что данные, полученные в процессе эмпирического исследования и отражающие актуальную ситуацию в молодежной среде, противостоят требованиям к человеку-профессионалу будущего. Алгоритмы, трансформирующие медиатизацию, выступают в качестве фактора, снижающего темпы процесса профессиональной социализации молодого поколения.

Структурное противоречие, формируемое алгоритмизацией медиатизации молодого поколения между привычными доминирующими повседневными когнитивными практиками и требованиями к профессионалу в условиях цифровой экономики, становится важнейшим объектом анализа при изучении последствий медиатизации для социального и профессионального развития молодежи.

В современной научной литературе подчеркиваются потенциально положительные стороны алгоритмической медиатизации: алгоритмы, выстроенные на машинном обучении, могут повышать релевантность информации, а значит и ускорять доступ к нужному контенту. Кроме того, явным преимуществом является и снижение информационного шума при поиске необходимого контента.

Согласно международным исследованиям отчетам (UNESCO, WEF), искусственный интеллект имеет потенциал для качественной персонализации профессионального обучения: появляется возможность подбора подходящего скорости изучения, формата и сложности материалов, учитывая индивидуальные особенности обучающегося [4].

Материалы и методы.

В данной статье мы решили сконцентрироваться на рассмотрении проблемы деструктивного влияния алгоритмизированной медиатизации на молодежь. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, интенсивность и глубина проникновения цифровых медиа в повседневную жизнь, особенно среди молодежи, достигли беспрецедентного уровня, что требует комплексного осмысления последствий этого процесса.

Во-вторых, на фоне позитивных возможностей, которые открывают медиа (доступ к информации, поддержание социальных связей), все более явными становятся их деструктивные эффекты: фрагментация сознания, распространение клипового мышления, рост медиазависимости, цифровое неравенство и эрозия традиционных идентичностей.

Особую значимость приобретает эмпирическое изучение этих процессов, так как теоретические конструкции зачастую отстают от стремительно меняющейся медийной практики. Недостаточно констатировать влияние медиа, необходимо выявить конкретные механизмы, через которые медиатизация

¹ *Сервис Instagram принадлежит компании Meta Platforms, Inc., признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.

воздействует на когнитивные способности, эмоциональное состояние, коммуникативные стратегии и ценностные ориентации молодого поколения.

Молодежь, как наиболее восприимчивая к медиавоздействию социальная группа, выступает, своего рода, «барометром», позволяющим диагностировать системные сдвиги, последствия которых будут определять траекторию развития общества в долгосрочной перспективе.

Эмпирическое исследование деструктивных эффектов медиатизации современного социума было проведено на основе комплексного социологического анализа. Методологическая основа исследования опиралась на критический подход к изучению медиатизации, что позволило выявить латентные негативные воздействия медиа на социальную структуру и институциональную систему общества.

Основная цель данного эмпирического исследования заключалась в идентификации и систематическом анализе деструктивных трансформаций, вызванных медиатизацией, а также в оценке их влияния на стабильность и функциональность современной российской социальной системы.

Для достижения этой цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- Идентификация основных деструктивных паттернов медиатизации, проявляющихся в изменении социальных процессов и структур.
- Исследование изменений в характере социальных взаимодействий и коммуникативных стратегий, обусловленных процессом медиатизации.
- Выявление механизмов формирования новых форм социального неравенства в медиаконтенте.

- Оценка влияния медиатизации на процессы социализации, социальной интеграции и социального контроля.

В ходе проведенного исследования была сформирована выборка из 600 респондентов, что позволяет считать её репрезентативной для последующего анализа. В опросе приняли участие студенты из нескольких высших образовательных учреждений ЮФО: Южного федерального университета (ЮФУ), Южно-Российского государственного политехнического университета (ЮРГПУ НПИ) и Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ).

Гендерная структура выборки демонстрирует следующее распределение: мужчины составляют 72,5%, а женщины – 27,5%. Возрастная структура опрошенных респондентов представлена следующим образом: лица в возрасте 16–19 лет составляют 44,6% выборки; респонденты в возрасте 20–25 лет занимают 52,5% от общего числа участников исследования; категория респондентов старше 25 лет представлена самой малочисленной группой – 2,9%.

Результаты.

На основании проведенного социологического исследования были сформулированы выводы о деструктивных эффектах медиатизации среди молодежи.

Анализ временных затрат (Рис. 1) показывает высокую степень вовлеченности молодежи в цифровое пространство: более половины опрошенных (условное большинство) ежедневно уделяют социальным медиа от 2 до 4 часов своего времени. Наряду с этим, практически каждый пятый (18%) использует цифровое пространство от 4 до 6 часов каждый день, для них экранные технологии перестали быть простым развлечением, а стали рутинной практикой, без которой они не представляют своей повседневности.

Рис.1 – Временные затраты респондентов на просмотр медиаконтента.

На Рисунке 2 представлена визуализация ответов студентов на вопрос о формировании медиависимости и уровне ее распространенности, где видно, что более четверти респондентов (27%) честно признают наличие признаков аддиктивности и точно связывают её с социальными сетями. Стоит отдельно

отметить, что 22% опрошенных испытывали трудности с ответом на данный вопрос, что может говорить о том, что они либо не рефлексируют о своем цифровом поведении, либо же отрицают существующую проблему.

Рис. 2 – Отражение субъективной зависимости от социальных медиа.

Анализ данной диаграммы позволяет не просто, в очередной раз, констатировать наличие проблемы зависимости от медиа, но и обратить внимание на самостоятельную оценку респондентами ее природы. Так, ими выделено несколько ключевых факторов, лежащих в основе устойчивой связи с цифровой средой. В первую очередь, это потребность в постоянном обновлении информации, продиктованная высокой скоростью медиапотока. С этой потребностью тесно связан и так называемый страх упущенной выгоды (FOMO), который стимулирует постоянно оставаться онлайн, чтобы не пропустить важное событие или сообщение. На психофизиологическом уровне респонденты отмечают действие дофаминовых механизмов: виртуальное взаимодействие приносит быстрые положительные эмоции, закрепляя привычку возвращаться в сеть снова и снова. Наконец, социальные сети нередко выполняют функцию психологической компенсации, выступая в роли доступного инструмента для снятия стресса или повышения настроения.

Сама по себе, систематизация этих причин важна тем, что она выводит нас за рамки описания общих тенденций. Фрагментарные, на первый взгляд, проявления медиаповедения – постоянная проверка ленты, импульсивное погружение в контент, потребность в «фоновом» присутствии – при ближайшем рассмотрении оказываются следствием глубоких психологических и социальных механизмов. Их устойчивость как раз и объясняется тем, что зависимость формируется на пересечении информационных потребностей, эмоциональной регуляции и поведенческих привычек.

Отдельно стоит отметить тот факт, что кроме влияния на психоэмоциональное состояние и закрепления определенных моделей ежедневного взаимодействия молодых людей с цифровым миром, медиатизация изменяет и когнитивные установки.

Неконтролируемый поток огромного количества контента в современной медиасфере и простой процесс получения к нему доступа порождает некото-

рые когнитивные противоречия, справиться с которыми бывает непросто. Можно отметить, что мы живем с огромным разрывом между развитием адапционных механизмов и тем, как быстро меняются и развиваются технологии. Например, в нашем опросе больше трети участников (39,2%) отметили периодическое состояние «информационной перегрузки», которое вызывает трудности при обработке данных и психологический дискомфорт. Определенно настораживает количество респондентов (20,8%), для которых этот дискомфорт уже сегодня становится хроническим состоянием перенасыщения информацией.

Согласно результатам исследования, 48,8% респондентов считают, что навык критического мышления у них развит средне, а 27,1 % опрошенных отмечают у себя высокий уровень развития этого навыка. И тут возникает очевидное противоречие: с одной стороны, цифровые технологии обеспечивают практически безграничный доступ к информации, с другой, у большинства пользователей заметно ослабевают навыки системного анализа и глубокого осмысления этой информации. Кроме того, 30,4% молодых людей испытывают трудности при осмыслении потребляемого контента. Соответственно мы можем предположить, что для современной молодежи характерны как дефицит практики, так и недостаток сформированности навыков работы с информацией.

Наше предположение о значительном влиянии цифровой среды на когнитивные функции подтверждают и сами участники исследования: 70,9% опрошенных в той или иной степени согласны с тем, что социальные сети воздействуют на их внимание и концентрацию (Рис. 2). При этом примерно треть участников исследования указали на ухудшение своих академических навыков из-за активного использования социальных сетей. Таким образом, можно констатировать, что медиа играют значимую роль в формировании когнитивных стратегий современной молодежи и обладают потенциальными негативными эффектами для образовательного процесса.

Рис. 2 – Распределение мнений респондентов относительно влияния социальных сетей на когнитивные функции (в % от числа опрошенных).

Характерной чертой современного этапа можно считать доминирование клипового мышления. По наблюдениям, 55% опрошенных, среди поколения Z этот тип восприятия является преобладающим, что во многом связано с распространением коротких видеоформатов. Интересно, что 40,4% респондентов практически не делают различий между кратким видеороликом и текстовой информацией. Более того, для 30% видео является максимально предпочтительной формой подачи материала.

Анализ полученных данных позволяет зафиксировать некие ключевые когнитивные изменения.

Во-первых, огромная лавина информационного контента и его быстрая смена (по типу трейлера к фильмам) закрепляет в сознании молодых людей установку на краткосрочное внимание и не способствует формированию и развитию навыков длительной критической рефлексии.

Во-вторых, налицо тенденция к поверхностному усвоению знаний, неспособность работать с текстовыми материалами, требующими глубокого вдумчивого изучения, зависимость от визуального восприятия информации, и, как следствие, нежелание читать просветительские, научные тексты, ухудшение запоминания, слабость речевой репродукции, отсутствие вовлеченности в процесс обучения, отчего серьезно страдает его итоговое качество.

Тесная связь, существующая между познавательными процессами и эмоциями, актуализирует изучение эмоционального взаимодействия молодежи с медиасредой. Такой подход позволил не просто зафиксировать поведенческие паттерны, но и понять, как цифровая среда влияет на субъективное ощущение благополучия.

Анализ полученных данных выявил двойственный характер этого влияния. С одной стороны, социальные сети выполняют ресурсную функцию: 77% респондентов полностью или частично согласны с тем, что времяпрепровождение в цифровой среде помогает им достигать психологического комфорта и поддерживать позитивный эмоциональный фон. Но

при этом, существует и обратная сторона этого взаимодействия.

Ключевым индикатором здесь выступает уровень стресса. Распределение ответов показывает достаточно поляризованную картину: 36,7% опрошенных оценивают свой стресс как низкий, тогда как почти сопоставимая доля респондентов (32,9%) фиксируют его средний уровень, что подтверждает предположение о том, что одна и та же среда способна как снижать напряжение, так и выступать его источником. Наиболее тревожным сигналом можно считать те 7,9% участников, которые идентифицируют свое состояние как высокострессовое. Вероятно, в их случае факторы, связанные с медиапотреблением, играют роль катализатора, усугубляя существующее напряжение или провоцируя новые формы дискомфорта.

Говоря о поведенческих паттернах современной молодежи, стоит обратить внимание на трансформацию межличностной коммуникации, которая выступает одним из значимых эффектов медиатизации. Для трети опрошенных (33,3%) социальные сети являются преобладающим каналом установления и поддержания социальных связей. При этом еще 31,7% респондентов не фиксируют существенной разницы между онлайн- и офлайн-коммуникацией, что, вероятно, объясняется их социализацией в уже сформированной цифровой среде, где сетевые практики воспринимаются как естественная норма.

Парадоксально, но, несмотря на высокую активность в социальных сетях (41,3% имеют один аккаунт, 43,8% – два или три), 25,8% студентов периодически испытывают чувство одиночества, что перекликается с выводами Ш. Теркл о трансформации межличностных взаимодействий в цифровую эпоху и возникновении рисков отчуждения и социальной изоляции [5].

В целом воздействие медиатизации на молодежь носит двойственный характер. С одной стороны, социальные сети выступают инструментом коммуникации, психологической адаптации и поддержания эмоционального благополучия, с другой – создают риски формирования деструктивных паттернов, включая медиазависимость.

Исследование вопроса культурной идентичности показало, что большинство (67,1%) людей совмещают местные традиции с глобальными символами. В то же время, почти половина из них (46,3%) не видят в медиаобразах сильного влияния на своё само-

определение. Полученные данные указывают на то, что процессы глобализации и транскulturации вносят свой вклад в постепенное размывание культурных границ (рис. 4).

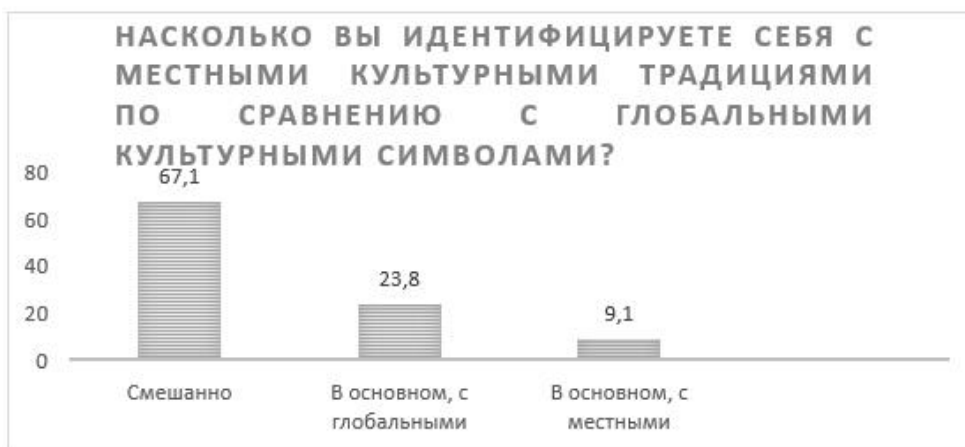

Рис. 4 – Идентификация респондентов с местными культурными традициями и глобальными культурными символами (в % от числа опрошенных).

Неоднозначность изменений социальных и культурных норм проявляется в следующем: с одной стороны, традиции сохраняют заметное влияние, почти половина опрошенных считают, что социальные сети влияют на них в умеренной степени – цифровые платформы не рушат устои, а вносят лишь некоторую коррекцию. С другой стороны, ясно вырисовывается новая тенденция: около 60 % частично соглашаются с тем, что медиатизация ведет к коммерциализации традиций и редукции сложных социальных норм.

Таким образом, даже при сохранении внешней опоры на традиции содержание этих норм постепенно меняется – они адаптируются к новым условиям, теряя часть своей изначальной глубины и многослойности.

Эта двойственность прослеживается и в вопросах цифровой приватности. Осознание рисков открытого доступа к личной информации достаточно широко распространено: более половины респондентов (54,6%) чётко понимают потенциальные угрозы. При этом 35,4% прямо отмечают, что социальные сети изменили их представления о конфиденциальности – например, пересмотрели границы того, какую информацию допустимо публиковать и с кем ею делиться.

В итоге, среди молодёжи формируется особый, противоречивый тип цифровой приватности: с одной стороны, растёт осведомлённость о рисках, с другой, меняются сами представления о личном и публичном, под влиянием среды, где границы между этими сферами становятся всё более размытыми.

На фоне этих изменений молодёжь предлагает комплексные стратегии адаптации к новым медиареалиям, называя ключевыми мерами для минимизации негативных последствий медиатизации следующее:

- развитие медиаграмотности и критического мышления у населения, чтобы люди умели фильтровать контент, распознавать манипуляции и осознанно подходить к публикации собственных данных;
- усиление контроля за достоверностью информации в онлайн-источниках через образовательные инициативы, технологические решения и регуляторные механизмы.

Данные подходы играют важную роль в адаптации современного общества к повсеместной цифровизации, помогая не только снизить риски возникновения проблем с открытым доступом к данным, но и сформировать культуру поведения в медиасреде, где осознанный подход к приватности и критическое мышление позволяют безопасно находиться в медиасфере.

Обсуждение

Очевидно, что медиатизация меняет наше мышление, и медиасреда наглядно это демонстрирует. Молодежь оказывается в эпицентре этих перемен, поскольку технологии уже стали для них утилитарными, а социальные сети, как основной канал общения, формируют у них новые, устойчивые когнитивные привычки.

В долгосрочной перспективе когнитивные шаблоны, закрепленные в сознании молодежи, привычка к упрощенному и быстрому получению информации, чреватые трудностями с аналитической оценкой, глубоким анализом данных, падением рефлексии и деградацией способности разбираться в сложных проблемах, требующих активной мыслительной деятельности, генерации и поиска разных вариантов решения. Интересно, что молодежь прекрасно осознает всё происходящее. Клиповое мышление с его фрагментарностью и слабой аналитикой они признают доминирующей когнитивной моделью своего поколения.

При этом двойственность медиасреды проявляется во всех сферах. Выступая инструментом социальной связи и психологического комфорта, она одновременно генерирует стресс и аддиктивные риски: признаки медиазависимости фиксируются у 49% респондентов. Перенос коммуникаций в онлайн-пространство трансформирует межличностное взаимодействие: виртуальная среда становится основным каналом поддержания контактов, однако, доступность и удобство цифрового общения парадоксальным образом сочетаются с чувством одиночества и социальной изоляции.

Наконец, медиатизация влечет за собой социокультурные сдвиги. Смещение локальных и глобальных символов ведет к размыванию культурной идентичности, хотя, как показывают данные, молодежь сохраняет осознание определенных аспектов своей культурной автономии.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Медиатизация как социальный феномен.

Медиатизация вышла за рамки технологической тенденции и утвердилась в качестве полноценного социального процесса, проникающего в толщу общественной жизни. Под ее воздействием трансформируются не только способы коммуникации, но и глубинные ценностные ориентации, а также нормативные регуляторы поведения. Цифровые медиа утрачивают исключительно инструментальную функцию источника сведений: сегодня они активно участвуют в процессах социализации, конструируя картину мира и задавая поведенческие сценарии. Глубокая интеграция медиа в социальную сферу наделяет их способностью ощутимо влиять на культурную динамику, политические процессы и экономические модели.

2. Сдвиги в ценностно-нормативной структуре.

Под влиянием медиатизации ценностная система общества заметно меняется. С одной стороны, усиливаются индивидуалистические установки и потребительские ориентации, с другой, ослабевает регулятивная роль традиционных моральных норм. Коммуникация, опосредованная цифровыми платформами, трансформирует социальные роли и делает границу между реальным и виртуальным всё более условной. Возникает новая социальная реальность, где прежние нормы и ценности уступают место противоречивым и зачастую неустойчивым поведенческим моделям.

3. Молодежь в фокусе медиавоздействия.

Молодежь, как наиболее вовлеченная в цифровую среду группа, оказывается и наиболее уязвимой к её воздействию. Изменения затрагивают как когнитивную сферу, так и поведенческие паттерны. Наряду с очевидными плюсами цифровизации фиксируются и тревожные симптомы: распространение

клипового мышления, ослабление критического восприятия, формирование медиазависимости, рост стресса и трудности с длительной концентрацией внимания.

4. Риски и деструктивные последствия.

К числу наиболее серьезных негативных эффектов можно отнести снижение способности к культурной и моральной рефлексии, когнитивные искажения, углубление цифрового неравенства и эрозию традиционных идентичностей. В совокупности эти процессы ведут к утрате аналитических навыков, упрощению ценностных ориентиров, а на более широком уровне это оборачивается ослаблением солидарности и создает риски для устойчивого развития общества.

5. Вопрос регулирования и адаптации.

Снижение негативных последствий медиатизации требует продуманной и комплексной стратегии. Речь идет не об ограничениях, а о развитии медиаграмотности, внедрении механизмов проверки информации и обеспечении защиты прав личности в цифровом пространстве. Задача в том, чтобы создать условия, при которых цифровые технологии использовались бы сбалансированно, позволяя сдерживать рост медиазависимости и сохраняя социальную сплоченность в долгосрочной перспективе.

Заключение.

Современная медиасфера, функционирующая на основе сложных алгоритмических систем, способствует формированию фрагментированного восприятия, снижению способности к длительной концентрации и закреплению поведенческих моделей, ориентированных на быстрое вознаграждение. Эти процессы негативно влияют на профессиональную социализацию специалистов и мешают формированию критического мышления, развитию самоорганизации и профессиональной мотивации, которые особенно важны в эпоху повсеместной цифровизации. В таком случае, на рынке труда может сложиться непростая ситуация: часть потенциальных кандидатов не будет соответствовать требованиям работодателей, которым, кроме профессиональных навыков специалиста, важны и его гибкие навыки.

Разрешение выявленных противоречий является одной из важнейших задач социально-экономической сферы и требует системного подхода к решению проблемы. Одним из способов формирования положительной динамики в этом вопросе может стать преобразование образовательных стратегий, делая упор на формирование у обучающихся «мягких» навыков (“soft skills”).

Таким образом, медиатизация должна рассматриваться как многоплановый процесс, который, к тому же, противоречив внутри. Однако именно ее многомерность делает ее интересным направлением для дальнейших исследований и формирования новых подходов к обучению будущих специалистов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Hjarvard S. *The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change* / S. Hjarvard // *Nordicom Review*. - 2008. - No. 29 (2). - P. 105-134.
2. Карнаух В. К. Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу Ш. Зубофф "Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти" / В. К. Карнаух // *Управленческое консультирование*. - 2023. - № 4 (172). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-nadzornogo-kapitalizma-retsenziya-na-knigu-sh-zuboff-epoha-nadzornogo-kapitalizma-bitva-za-chelovecheskoe-budushee-na> (дата обращения: 13.03.2026). DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-138-143 EDN: WAUFYL
3. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / П. Бергер, Т. Лукман. - URL: https://psv4.userapi.com/sv1/d/x21S-yxpFy-LGNcSWhwr13gZT9MhbTodgv-KaQbdWZREu-HgkX3Q2ERDUGu0oWYfWPK5p5wSDCLK6qFZngfBTrh3Vux9hcSPapkCG2q09RQHfD0W/1995_Piter_Berger_Tomas_Lukman_Sotsialnoe_konstruirovanie_realnosti.pdf (дата обращения 13.03.2026).
4. *The Future of Jobs Report 2025* [Электронный ресурс] / *World Economic Forum*. - URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/> (дата обращения 13.03.2026).
5. Turkle Sh. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / Sherry Turkle. - New York: Basic Books, 2011. - 360 p.

References:

1. Hyaward S. *Mediatization of society: the theory of mass media as agents of social and cultural change* / S. Hyaward // *Nordicom Review*. - 2008. - № 29 (2). - Pp. 105-134.
2. Karnaukh V. K. *The formation of supervisory capitalism. Review of the book by S. Zuboff "The Era of Supervisory Capitalism: the battle for the human future at the new frontiers of power"* / V. K. Karnaukh // *Management Consulting*. - 2023. - № 4 (172). - Address: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-nadzornogo-kapitalizma-retsenziya-na-knigu-sh-zuboff-epoha-nadzornogo-kapitalizma-bitva-za-chelovecheskoe-budushee-na> (date of request: 03/13/2026). Identification number: 10.22394/1726-1139-2023-4-138-143 EDITED number: VAUFILM
3. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. Report on sociological knowledge* / P. Berger, T. Lukman. - URL: https://psv4.userapi.com/sv1/d/x21S-yxpFy-LGNcSWhwr13gZT9MhbTodgv-KaQbdWZREu-HgkX3Q2ERDUGu0oWYfWPK5p5wSDCLK6qFZngfBTrh3Vux9hcSPapkCG2q09RQHfD0W/1995_Piter_Berger_Tomas_Lukman_Sotsialnoe_konstruirovanie_realnosti.pdf (accessed 03/13/2026).
4. *Report on the future of jobs for 2025* [Electronic resource] / *World Economic Forum*. - URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/> (accessed 03/13/2026).
5. Turkle Sh. *Alone with each other: Why we expect more from technology and less from each other* / Sherry Turkle. - New York: Basic Books, 2011. - 360 p.

Информация об авторах

Сусименко Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия; ORCID: 0000-0001-7627-2051; e.susimenko@npi-tu.ru

Зубкова Екатерина Валерьевна, аспирантка, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия; ORCID: 0000-0001-6752-1036; katia.pavlyukova@yandex.ru

Хорохордина Алена Вадимовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; г. Новочеркасск, Россия; ORCID: 0000-0003-3864-9182; horohordina_av@npi-tu.ru

Elena V. Susimenko, Professor, Doctor of Philosophy, Head of the Department; Department of Foreign Languages, Institute of Humanitarian and Socio-Economic Education, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); Novochoerkassk, Russia.

Ekaterina V. Zubkova, PhD student, M. I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk, Russia.

Alyona V. Khorokhordina, Senior Lecturer; Department of Foreign Languages, Institute of Humanitarian and Socio-Economic Education, Platov South Russian State Polytechnic University; Novochoerkassk, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.04.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.